

Н. А. Белякова

«Сообщаем о преступлении против правосудия...»: обращения и жалобы верующих в брежневском СССР*

Белякова Надежда Алексеевна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; доцент, Первый московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова (Сеченовский университет) (Москва, Россия)

В последнее десятилетие исследователи неоднократно обращали внимание на источники, созданные «простыми» советскими людьми¹. Действительно, письма во власть оказались, пожалуй, одним из наиболее сохранных источников, который соблазнительно было бы трактовать как «голос» (вернее, «текст») народа, своего рода наивное письмо, позволяющее реконструировать комплекс ценностных установок советского обывателя. Сохранившиеся тексты дают возможность услышать позицию не только стороны, имевшей властный ресурс и возможности для интерпретации, но и стороны, заявлявшей о принципиально иной системе ценностей. В предлагаемом исследовании речь пойдет о письмах, созданных особой категорией населения в СССР, у которых потребность писать письма во власть возникала в связи с реализацией их религиозных убеждений. Каким образом верующие видели себя в стране победившего социализма? Какими понятиями, культурными формами и категориями описывали свои потребности в письмах и жалобах? Ответить на эти вопросы и есть цель исследования.

Письменные обращения обычных людей в высшие властные инстанции были важным каналом коммуникации между властью и населением. Декларируемая забота партии и правительства о советских гражданах предусматривала ответную реакцию со стороны населения, которая проявлялась

в разных формах демонстрации лояльности: участие в выборах, членство в советских общественных организациях, поддержка идеологических кампаний².

Представляется, что зафиксированная исследователями советского общества «приватизация» публичных институтов и смыслов³ в послесталинский период распространилась и на «письма трудящихся». Обычные люди, используя легитимированные властью формы демонстрации лояльности⁴, наполняли их личным содержанием. В этом отношении письма начинают отражать разнообразие частной жизни в СССР. Письма во власть, как правило, сопровождались жалобами на неправильное окружение и низшие властные инстанции, бюрократически равнодушно или несправедливо относившиеся к автору. Такой дискурс был неотъемлемой частью модели советского коллективного поведения и показывал высокий уровень недоверия к бюрократическим структурам, компенсирующийся персональным обращением к представителям высшего руководства страны⁵. Эта характерная черта обывателя — персонифицированное восприятие государства при остром недоверии к его бюрократическим институтам — зафиксирована исследователями еще в письмах эпохи революционных потрясений и Гражданской войны; она сохранялась и в дальнейшем. Жанр писем-жалоб на непосредственное начальство был настолько привычен для советского обывателя, что, когда верующая из Риги в 1985 г. села писать письмо генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву, она специально в начале письма предупредила: «...ни о рабочих конфликтах с администрацией, ни о квартирном вопросе я не пишу. Мое письмо — о вопросах нравственных...»⁶

Благодаря бюрократической процедуре работы с письмами, они откладывались в архивах государственных ведомств, и сегодня у нас есть прекрасная возможность для изучения письменного наследия обычных людей, которые не побоялись публично назвать себя верующими в условиях построения атеистического общества⁷. В настоящем исследовании привлекаются в первую очередь письма, отложившиеся в фонде Совета по делам религий при Совете министров СССР (далее — СДР). В этот центральный орган, ответственный за взаимодействие с религиозными объединениями, стекались письма, направленные в высшие партийные и государственные инстанции. Сюда же поступали письма, оказывавшиеся в распоряжении МИД, т. е. оказавшиеся за границей и попавшие в поле видимости советских дипломатов. Другое место хранения — региональные архивы уполномоченных СДР, в которых отложились письма, написанные жителями этих областей⁸. Для иллюстрации настоящего исследования автором были отобраны письма верующих разных деноминаций в высшие инстанции из областей разных республик — РСФСР, Украинской, Белорусской, Чечено-Ингушской.

Письма по религиозным вопросам в СССР. Верующие писали письма в высшие инстанции СССР и в 1920–1930-х гг., жалуясь, согласно анализу историка А. И. Савина, «на местные “перегибы”, сводившиеся главным образом к чрезмерному налогообложению священнослужителей или культовых зданий, а также к закрытию или неправомерному использованию церквей и молитвенных зданий»⁹. Но нужно понимать, что в условиях тоталитарного государства любые тексты об отношении к власти или с властью могли стать основой для обвинения в антисоветской агитации. Тем не менее условия, выдвинутые советским руководством

для сохранения религиозных структур, породили комплекс письменных текстов об отношении к власти, наиболее яркими из которых являются «письмо-завещание» патриарха Тихона, послание Соловецких епископов, «декларация» митрополита Сергия. Однако было бы неверным назвать эти тексты продуктом творчества простых верующих. Это были тексты, составленные официальными руководителями или неформальными лидерами, интеллектуальной и духовной элитой. Массовые заявления верующих исследователи встречают с середины 1940-х гг. в связи с развернувшейся в СССР регистрацией религиозных общин.

В период так называемой антирелигиозной кампании конца 1950-х — начала 1960-х гг. возникает новый всплеск писем верующих, что в целом вписывается в концепт «эпистолярной революции», начавшейся в СССР в 1960-е гг. Скорость, с которой верующие развернули петиционную протестную кампанию в отношении «хрущевского волюнтаризма» в религиозной сфере, показывает отработанный в культуре механизм реакции общества на «перегибы». Религиозная политика СССР носила волнообразный характер и, по мнению А. И. Савина, уже в 1930-е гг., несмотря на сохранение антирелигиозной доминанты, центральные органы, ответственные за взаимодействие с религиозными объединениями, пытались одергивать местные власти за наиболее одиозные «перегибы»¹⁰. Судя по всему, сигналы с мест в виде писем, поступавших активно в начале 1960-х гг., также были услышаны. Многочисленные сообщения о «грубом администрировании в отношении верующих» обоих Советов (Совета по делам РПЦ и Совета по делам религиозных культов) были поддержаны прокуратурой¹¹; а Верховным Судом РСФСР был представлен ЦК КПСС обзор судебной практики за 1962–1964 гг. в отношении верующих по применению ст. 227 УК РСФСР¹².

Однако, отказавшись от наиболее одиозных мероприятий, брежневское руководство приходит к замораживанию мероприятий, способствующих нормализации отношений с верующими. И протесты в виде писем шли стабильным потоком на протяжении всех 1960–1980-х гг. в высшие инстанции страны и за ее пределы. Например, согласно обзору, составленному в аппарате ЦК КПСС, в адрес XXIII съезда КПСС в 1966 г. были направлены письма следующего содержания:

1. Телеграмма: Брежневу, XXIII съезд КПСС. Из Минска.

Просим помочь покончить с произволом, незаконным закрытием церкви в дер. Лысица Несвижского района Минской области. Сяверин Михаил

2. Секретариат XXIII съезда КПСС. Из Киева.

Католики г. Киева просят открыть костел. Киев, Красноармейская, 130, кв. 11, Мрочко Франтишка Юрьевна

3. XXIII съезд КПСС. Из Киева.

Католики Киева просят отдать им костел. Киев, Толстого, 37, кв. 4, Самгина Аделя Павловна

4. В Президиум XXIII съезда КПСС.

Рабочие Московской патриархии, говорится в письме, исключены из членов

профсоюза и облагаются налогами как кустари. В патриархии таких рабочих — 400, а в стране тысячи. Москва, М. Лубянка, 11, кв. 25 Якушин.

5. XXIII съезд КПСС.

Верующие с. Куликовки Инсарского района Чувашии просят открыть церковь.

6. XXIII съезд КПСС.

Гальчинский Григорий Исакович из с. Бритовка, Бершадского района Винницкой области в своем письме просит открыть церковь.

7. Жалоба из г. Геническа Херсонской области.

Церковь передали под спортзал. Прошу вернуть ее верующим. Геничеськ, Херсонская обл., Пушкина, 90, Соломонова И. Т.

8. Телеграмма. XXIII съезд КПСС. Из Киева.

Католики просят открыть костел в Киеве. Киев, ул. Горького, 147, кв. 1. Кучерова Нина Юльевна.

9. Телеграмма. XXIII съезд КПСС. Из Винницы

Местные власти насильно закрыли наш костел, чем нас, несколько тысяч верующих католиков, кровно обидели, лишили молитвенного дома. Слезно просим помочь нам возвратить помещение костела. Ржепко.

10. XXIII съезд КПСС. Из Винницы.

Верующие просят возвратить костел в Виннице. Гачковский.

11. В Президиум XXIII съезда КПСС.

От гонимых монахов Почаевской лавры иеромонаха Сергия Соломко, иеродиакона Апеллия Станкевича, монаха Нестора (Н. Онук).

В письме сообщают, что некоторые несправедливости в Почаеве исправлены, но авторов письма — трех монахов, не прописывают. Просят восстановить их в лавре. Ответ просят дать в пос. Почаев, Кременецкого района, ул. Воссоединения, 10, лавра, секретарю духовного управления иеромонаху Всеволоду.

12. Прошение XXIII съезду КПСС.

От чад православных церквей

Всюду у нас закрываются церкви, запретили евреям (зачеркнуто, ручкой исправлено на «детям». — Н. Б.) прислуживать архиереям и пускать их на богослужение. В 1963 г. Толика Свиридова брали за воротник и били в стенку головой за прислуживание в церкви. Минский финотдел почти каждый день делал ревизию в бухгалтерии Минской епархии. Уполномоченный Совета стоял в дверях церкви, наблюдал, ходят ли в церковь дети, и списки передавал по месту работы родителей и в школу, где над ними делали проработку. Запретили крестить детей без паспорта родителей и свидетельства о крещении, требуют, чтобы при крещении были мать и отец ребенка, кум и кума. Материалы регистрации передавались

уполномоченным Совета. Все церковные деньги запирают в банк, а на нужды церквей и монастырей дают в малом количестве. Есть много церквей, которые требуют ремонта, но уполномоченные запрещают это делать. 6 февраля 1966 г. умерла мать Валентина в дер. Коски, Дзержинского района Минской области, но власти не разрешили похоронную процессию до кладбища.

13. XXIII съезд КПСС. Из Гродно.

На весь город одна маленькая церковь. В Новгородской области в г. Боровичи закрыли церковь и сделали на кладбище детскую площадку. Гродно, до востребования, Трошина¹³.

Прочитанный документ, вышедший из недр аппарата ЦК КПСС, наводит на размышления. Возможно, составитель не имел опыта работы с такой категорией документации и не смог унифицировать форму изложения краткого содержания этих писем. В любом случае, эта справка показывает, что большинство обращений верующих к съезду были вызваны недовольством массовым закрытием церквей и содержали просьбы об их открытии. В этом отношении письма середины 1960-х гг. практически не отличаются от писем верующих 1930-х гг., где доминирующими мотивами были жалобы на закрытие церквей и усиленное налогообложение. Изученные нами документы в архивах как центральных, так и региональных органов показывают, что мотив несогласия с закрытием церквей оставался доминирующим в письмах верующих до конца советского периода. Письма православных в высшие инстанции на протяжении 20 лет из всех областей и республик Советского Союза стабильно содержали просьбы об открытии снятых с регистрации церквей или молитвенных домов, о регистрации служителей культа и религиозных общин. В силу сохраняющейся в брежневский период латентной борьбы с религией просьбы о регистрации православных объединений в стране не выполнялись до начала перестройки, что, в свою очередь, вынуждало настойчивых верующих к продуцированию «писем трудящихся». СДР в рассылке от 31 октября 1979 г. «О состоянии работы с письмами, заявлениями и жалобами граждан» утверждал, что причиной многочисленных писем является то, что «ряд уполномоченных Совета и многие должностные лица местных органов власти по-прежнему проявляют формальное отношение к заявлениям верующих о регистрации религиозных объединений, о возобновлении деятельности незаконно закрытых церквей. Порой их просьбы просто игнорируются, заявления или жалобы либо совсем не рассматриваются, либо неправомерно отклоняются»¹⁴.

Пожелания об открытии церквей сами по себе содержали несогласие с советской атеистической политикой, в которой важным показателем успешности изживания религиозных предрассудков было сокращение количества зарегистрированных церквей / религиозных обществ, и, по сути, носили характер протеста в адрес советской идеологической системы. Соглашались ли сами авторы с такой постановкой вопроса?

«Простые советские труженики». Авторы писем, как правило, позиционируют себя как полноценных членов советского общества, с вниманием и лояльностью относящихся к советской власти и чутко реагирующих на политику заботы,

декларируемую партией. Такая саморепрезентация характерна не только для православных верующих, но и для представителей других деноминаций, властью не признаваемых.

«В преддверие двадцать шестого съезда КПСС трудящиеся нашей страны, как партийные, так и беспартийные, обращаются к предстоящему съезду со своими наиболее злободневными и насущными проблемами, предложениями и пожеланиями. Решили и мы, верующие Львовской области, исповедующие католицизм восточного обряда, обратиться высокому общенародному представительству со своими наболевшими вопросами»¹⁵ — такими словами обращались греко-католики Западной Украины к высшему руководству страны в 1981 г.

Верующие в письмах обычно подчеркивают свою принадлежность к советскому обществу, часто используя выражение «советские труженики». Эта необходимость создания (пересотворения) себя была, по замечанию Ш. Фицпатрик, второй натурой советского гражданина, а претензия авторов протестных писем на «правильную идентичность» была важнейшей составляющей писем еще в 1920–1930-х гг.¹⁶, сохраняясь и в исследуемый период.

В значительной части писем встречается апелляция к Великой Отечественной войне, имеющей неисчерпаемый потенциал для легитимации; иногда — к революции и Гражданской войне. Так, верующие из Брянска, заканчивая письмо, содержащее просьбу зарегистрировать вторую общину евангельских христиан-баптистов (далее также — ЕХБ) в городе, в последнем абзаце писали: «Многие из нас пожилого возраста. Мы видели ужасы войны, видели, как умирали мирные люди, как горели дома и как задыхались от дыма и газа! Среди нас есть ветераны и инвалиды войны, участники партизанского движения. И нам скорбно сознавать, что теперь мы не имеем возможности свободно, спокойно помолиться. Снова обращаемся к Вам с просьбой посодествовать зарегистрировать нас»¹⁷.

В сознание советских людей настолько вошло представление об особенных категориях граждан, заслуживших свое право на блага, признание и уважение, что откровенное несоответствие личного опыта и идеологических штампов никого не смущало. «Мы, церковный совет, инвалиды фронтовики, красноармейцы и все православные христиане с. Нижняя Стынова обращаемся к Вам по вопросу вмешательства и помощи о назначении на приход с. Нижняя Стынова священника», — писали в середине 1980-х гг. верующие из Львовской области¹⁸. Мы видим, что верующие пытаются вписать себя в формат лояльных советских людей, игнорируя традиционное недоверие советской власти к «западникам» и неоднозначный исторический опыт Второй мировой войны у населения западных областей Украины. В Чечено-Ингушской ССР верующие тоже были заслуженными советскими гражданами, которые нуждались в особом внимании. «Верующие — это граждане СССР, многие из них участники Октябрьской революции, Гражданской и Отечественной войны, труженики и заслуженные пенсионеры, разве где написано, что их можно обманывать и над ними можно творить беззаконие», — писали верующие-мусульмане из Чечни¹⁹.

«Виртуозы» и «народные умельцы». Написание писем и борьба за открытие храмов становится для каких-то людей частью их повседневной жизни. И в религиозной сфере была распространена категория не только «виртуозов» в области

религиозной жизни, но и специалистов в сфере коммуникаций с властями. Так, жалоба в 1967 г. на изъятие религиозной литературы поступила от верующей М. Т. Савченко из Славгорода, о которой уполномоченный СДР по Могилевской области (в ответ на запрос) сообщал: «В 1966 г. на “вознесение” Савченко организовала в доме гр-на Фомченко религиозную службу с освещением фруктов, на которой присутствовало свыше 150 человек. Когда представители местных органов прибыли в дом Фомченко и стали интересоваться, имеется ли разрешение на проведение молитвенного собрания, в это время Савченко и ее сподручные сбежали, оставив на столе религиозную литературу, которая была изъята»²⁰. Уполномоченный попытался в своем ответе на письмо развернуть ситуацию в пользу местных властей, привычно обвинив верующую в корыстных мотивах ее действий.

Любопытная зарисовка содержится в сообщении уполномоченного СДР Львовской области, откуда стабильно поступали в разные инстанции письма об открытии нескольких десятков храмов в области. Так в 1981 г. этот уполномоченный сообщал в Москву в ответ на очередной запрос о причинах обилия писем с просьбами об открытии церквей: «В разговоре с верующим села Романов гр. Зварычем С. О. установлено, что он на Львовском ж/д вокзале повстречался в апреле 1980 года с 1901 г. р., инвалидом Великой Отечественной войны (назвать фамилию, имя и отчество, а также место жительства отказался). Неизвестный гражданин сообщил гр. Зваричу С. О., что он за последние годы добился возобновления деятельности 12 культовых сооружений в области и обещал открыть церковь в селе Романов. Со времени знакомства с неизвестным гражданином Зварыч встречался с последним два-три раза, давал неизвестному деньги и тот заверял Зварыча С. О., что в скором будущем вопрос о возобновлении деятельности церкви в с. Романов будет решен. Последняя встреча гр. Зварыча С. О. с неизвестным гражданином состоялась в декабре 1980 года. Гр. Зварыч С. О. дал неизвестному деньги, как будто бы потому, что неизвестный должен был ехать в Москву 19 декабря 1980 года для решения вопроса о возобновлении деятельности церкви в селе Романов»²¹.

Мы несколько не утверждаем, что версия уполномоченного о том, что не обычные рядовые верующие регулярно пишут письма во власть, а что это дело рук одного активиста, да еще имеющего корыстную заинтересованность, правдива. Понятно, что стремление понять корыстные мотивы жалобщиков всегда присутствуют у обвиняемых, к тому же для советских экспертов в сфере религии было особенно важно усиливать и выявлять всем понятные материальные/корыстные мотивы у людей, требующих возможностей для реализации их религиозных убеждений, и уменьшать собственно религиозную аргументацию. Если нельзя было списать правозащитную активность на корыстные интересы, в ход шли обвинения в фанатизме и психической болезни²². Однако описываемый выше эпизод во Львовской области примечателен тем, что отражает развитие теневой сферы жизни советского общества, понятной всем как активным, так и пассивным участникам переписки. Привычный для советского обывателя механизм блата мог подействовать и в сфере государственно-конфессиональных отношений.

Парадоксы социалистической коммуникации и «кто виноват?» Парадокс ситуации с письмами верующих заключался в том, что как авторы, так и адресаты понимали, что просьбы об открытии церквей не могут быть удовлетворены.

Противоречие между советской риторикой и советской социальной реальностью, обозначаемое исследовательницей К. Кларк как «модальная шизофрения» (иначе говоря, структурная несочетаемость того, что есть, с тем, что должно быть)²³, прекрасно понимается всеми участниками процесса. Однако парадигма патерналистской заботы, презентуемая властью, предполагала реакцию бюрократической машины на появившийся в документообороте листок.

Это было крайне нежелательно для местных властей, которые стремились не допускать письменных обращений граждан по принципу: нет документа, нет проблемы. Со своей стороны авторы писем практиковали многократное написание писем и жалоб и во многие инстанции, дабы привлечь внимание к ситуации. Согласно Постановлению СДР от 31 октября 1979 г. № 3790 «О состоянии работы с письмами, заявлениями и жалобами граждан» шел поток повторных жалоб из «Рязанской, Тамбовской, Липецкой, Волынской, Хмельницкой, Ивано-Франковской и ряда других областей. Так, например, верующие с. Пересыпкино (Кирсановский район Тамбовской обл.) более 30 раз направляли в местные и центральные органы просьбу о возвращении зарегистрированному православному обществу церковного здания, закрытого под предлогом сноса как аварийного, хотя этот храм, построенный в 1895 г., является архитектурно-художественной ценностью и сносу не подлежит»²⁴.

В письмах верующих основными нарушителями законности предстают местные власти. Их обвиняют в жестокостях и издевательствах над простыми людьми. «В наших руках имеется 18 ответов на наши жалобы, и никто не соизволил открыть на наши вопли и прошения глаза и уши... С 1983 г. по настоящее время мы побывали во многих инстанциях и тех людей, которые добиваются правосудия, ехали в Москву, постоянно штрафуют... 25 июля 1984 г. председатель райисполкома проводил собрание на поле с нами — колхозниками. Он угрожал исключением с колхоза, а также уголовной ответственностью от 2 до 7 лет тем, которые ехали в Москву добиваться своего права, называя нас сволочами»²⁵. Из Донецкой области верующие рассказывали, как местная администрация тайком закрыла церковь: «Неправда, что церковь была закрыта по причине отсутствия религиозного общества. Церковь была закрыта местными властями тайно, ночью. Автогеном были срезаны кресты и сняты колокола. Теперь вместо креста поставлен металлический петух»²⁶.

Невыполнение местными властями обязательств, озвученных центром, приводит к кризису доверия к советской власти в целом — этот тезис обязательно звучит в письмах. «С чем связано это издевательство над людьми, почему органы власти, гласно объявив им их права, толкнули верующих, чтобы они попросили регистрации общества и открытия мечети, а потом отказывают им... Неужели у нас нет ни одного справедливого органа, который может стать на защиту справедливости и закона... В семьях этих стариков растет молодое поколение, которое видит эти нарушения, с каким сознанием они могут развиваться?» — задавали вопрос верующие из Чечено-Ингушской ССР.

Иногда верующие осмеливаются сопоставлять старые досоветские практики с современными им реалиями, и это сравнение может оказываться не в пользу современности: «Значит во время оккупации нашего края чехами, венграми,

румынами мы не представляли своей церковью никакой угрозы. А теперь при советской власти закрыли не только нашу православную церковь, но и разграбили наши святыни. И почему нас заставляют молиться во второй церкви, которую мы считаем униатской? Эта церковь олицетворяет для нас, православных, старые порядки оккупаций. Община этой церкви считается православной, но почему тогда сохранено все униатское в церкви?!»²⁷ — так писали верующие из Закарпатья, где память о межконфессиональном противостоянии и пограничность территории ощущались очень остро и на рубеже 1970–1980-х гг.

Вина местных властей не только в подрыве доверия к советской системе; местные власти проявляют сепаратизм, отказываются признавать распоряжения центра. Верующие из с. Южинец Черновицкой области жаловались на местного уполномоченного СДР П. Г. Подольского так: «Вот что он говорит, когда члены двадцатки были на приеме, так и в обкоме партии, когда его пригласили для разбора 23 июля 1984 г. С криком накинулся на людей и сказал: “Я — Москва и что хочу, то и сделаю, но вам церковь не позволю открыть”»²⁸.

Критика местных властей в области отношений с верующими звучала не только в письмах последних. На первый взгляд удивительно, но комплекс критических замечаний по поводу «перегибов» в отношении верующих исходил и из союзных инстанций. И чиновники СДР черпали информацию в первую очередь из писем верующих. «Большое количество заявлений поступает на неправомерные действия должностных лиц местных органов власти, на администрирование в отношении религиозных объединений и верующих, которые жалуются на то, что они нередко подвергаются “проработке” в трудовых коллективах за участие в религиозных обрядах, на запрещения производить ремонт культовых зданий и лишения их электроосвещения и водоснабжения, на вмешательство во внутренние (канонические дела церкви)»²⁹. Данная информация сообщалась в Постановлении СДР от 31 октября 1979 г., в котором СДР требовал от местных органов власти в соответствии с последними постановлениями ЦК КПСС³⁰ улучшить работу с верующими. За этой примечательной рассылкой, обобщившей опыт работы с письмами верующих, скрывается целый пласт проблем функционирования советской административной системы, в которой реакция на «сигналы с мест» была важным механизмом регулирования взаимоотношений центра и регионов³¹, и центральная власть была заинтересована в поддержании определенного баланса сил между населением и местной администрацией.

Правовые нормы, контекст холодной войны и роль Хельсинкского соглашения. Важной частью писем была апелляция к действующим конституционным и законодательным нормам. Верующие отказывались признавать за местной администрацией монополию на норму и стремились показать, что как раз их действия и являются исполнением действующих законов. Наверное, впервые призыв к власти соблюдать собственные законы прозвучал открыто в уже упоминавшемся послании Соловецких епископов 1926 г. и с тех пор стал неотъемлемым элементом церковно-правозащитного дискурса.

Пишу к вам исходя не только из нашей нужды, но и опираясь на Конституцию СССР ст. 12 «свобода отправления религиозных культов и свобода

антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами», а также в ст. 125 сказано, что «гражданам СССР гарантируется законом... свобода собраний».

В историческом Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, принятом в августе 1975 года и подписанном среди других 34 стран генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым, седьмая глава первого раздела первой части (1а VII) называется «Уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений». В ней, в частности, говорится, что страны «будут признавать и уважать свободу личности и исповедовать единолично или совместно с другими, религию или веру, действуя согласно велению собственной совести». Наше правительство одобрило, как известно, Заключительный акт, расценивая его как величайший прогрессивный шаг в истории человечества.

Аналогичная статья «Советский закон и свобода совести» В. А. Куроедова, председателя Совета по делам религий при Совете министров СССР (газета «Известия» № 25 от 31 января 1976 г.), в которой большое ударение делается на право отправления религиозных потребностей каждой религиозной общиной³².

Мы видим, что автор коллективного письма Я. Завадский не поленился подвести серьезную базу под требование своих единоверцев из Киргизии зарегистрировать общину братских меннонитов в селе Ново-Павловка.

Спустя полтора года верующие из Чечено-Ингушской АССР, добиваясь регистрации мусульманской общины, писали о своей проблеме в журнал «Религия и закон», используя схожую аргументацию:

Новая Конституция и законы о культах закрепили за верующим право на вероисповедание и свободу отправления религиозных культов. Брошюры и статьи в газетах тов. Куроедова — председателя Совета по делам религии разъяснили верующим их права в нашей стране. Кроме того, уполномоченный по делам религии в ЧИАССР объяснил верующим, что они могут подавать заявления в исполкомы с просьбой регистрации их обществ и открыть мечети.

В конце августа 1977 г. группа лекторов читала лекции в РДК (районном доме культуры. — Н. Б.) г. Назрани. Они говорили, что верующие могут объединяться в общества, и где имеется общество не менее 20 человек, исполком должен их зарегистрировать и разрешить им арендовать частное помещение старого храмового помещения для исполнения религиозных потребностей³³.

Ссылки на Конституцию, на статью и книги В. Куроедова встречаются в письмах верующих РСФСР, УССР, БССР и других республик. Мы видим, что верующие разных конфессий и из разных регионов Советского Союза апеллируют как к правовым нормам, так и к газетным публикациям для подтверждения правильности и закономерности их обращений. Советские граждане, привыкшие внимательно следить за колебаниями линии партии, отражаемыми в ведущих советских изданиях, восприняли статью многолетнего председателя СДР В. А. Куроедова в «Известиях» как сигнал для читателей о перемене курса в отношении религии. Хельсинкские соглашения вызвали достаточно большой резонанс среди верующих

и простимулировали новый поток писем, который во многом совпал с обсуждением новой Конституции³⁴.

Драматизм ситуации заключался в том, что доказательства свободы совести в СССР имели в первую очередь «экспортный», контрпропагандистский характер и ориентировались на западную аудиторию для «разоблачения измышлений об ограничении религии в СССР». Однако тексты, ориентированные на внешнюю аудиторию, становились известными и осваивались советским читателем. «Контрпропаганда» получила (судя по всему, неожиданно для идеологов) резонанс внутри страны, и люди обращались к власти, требуя исполнения произнесенных обязательств. Разновекторность транслируемых властью дискурсов чутко улавливалась верующими. Угроза привлечь внимание международных инстанций (или демонстративное направление копий писем в ООН и другие международные структуры) часто присутствует в письмах. «В случае неудовлетворения нашего прошения, мы обязаны будем обращаться за помощью до Церковного Всемирного конгресса», — сделана приписка к одному из коллективных писем³⁵. Верующие не признавали политики двойных стандартов, а требовали исполнения властью принятых на международном уровне обязательств.

Письма как категоричный протест. С конца хрущевского периода появляется особая категория писем, в которой откровенно критически оценивалась советская религиозная политика и крайне резко критиковались мероприятия властей в отношении верующих. Написание таких писем широко распространяется в среде советских евангеликов в ответ на мероприятия по борьбе с верующими и религией, сопровождавшихся и многочисленными арестами верующих. Так, в начале 1960-х гг. разворачивается настоящая петиционная кампания, в первую очередь в среде членов общин евангельских христиан-баптистов, оказавшихся вне государственной регистрации, а значит, за границами легальности.

«Настоящим заявлением ставим Вас в известность о том, что несмотря на многочисленные жалобы, заявления и протесты верующих нашей страны против несправедливости, произвола и преследований последних, грубые, зачастую ничем не прикрытые репрессии продолжают...», — писали евангельские христиане из Московской области Н. С. Хрущеву в июне 1962 г. В отношении действий властей употреблялись эпитеты типа «несправедливость, граничащая с варварством». В письме сообщалось, что «добросовестные и честные труженики, образцовые семьянины и достойные граждане нашей Родины повсеместно подвергаются выходящими из рамок справедливой законности мерам воздействия и преследования единственно за то, что они верующие». В случае невмешательства высшему руководству стран верующие грозили карой небесной и гневом Божиим. Это письмо содержало 107 подписей и «требовало» от высших властей немедленно освободить преследуемых верующих³⁶.

Толчком для организованного протеста в масштабах всей страны стало убийство в отделении милиции Барнаула в конце 1963 г. баптиста-неофита Николая Хмары; образовавшийся после этого эпизода Совет родственников узников ЕХБ (входивший в состав нелегальной структуры евангельских христиан-баптистов — Совета церковей ЕХБ, противопоставлявшего себя легальной структуре, признаваемой властью, — Всесоюзному совету евангельских христиан-баптистов

(далее — ВСЕХБ)) избрал написание протестных писем в высшие советские и зарубежные инстанции ключевым направлением своей активности³⁷.

Помимо требований о прекращении вмешательства государства в дела религиозных структур, о государственной регистрации религиозных общин и сворачивании преследований верующих, письма содержали требования баптистов о разрешении провести съезд верующих для отмены дискриминационных распоряжений и смены руководства баптистского союза. Так, «с 1 января по 15 октября 1963 г. включительно в Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР поступило из ЦК КПСС и Совета Министров СССР 187 заявлений верующих, адресованных Н. С. Хрущеву, из них с требованием созыва съезда евангельских христиан баптистов 126 заявлений. Другие заявления касаются вопросов регистрации религиозных обществ, назначения служителей культов, открытия молитвенных зданий включения в списки на паломничество в Мекку, грубого обращения работников милиции с верующими и др.»³⁸. Письма с требованием разрешить съезд были важным и новым сигналом для власти. В Совете по делам религиозных культов 21 октября 1963 г. была составлена аналитическая записка, в которой обращалось внимание на следующее:

Заявления верующих баптистов с просьбами о созыве съезда евангельских христиан-баптистов в большинстве являются коллективными и имеют большое количество подписей. Например, заявления подписали: из Кемеровской обл. — 11 чел.; из г. Краснодара — 72 чел.; из Алтайского края — 25 чел.; из Ростовской обл. — 41 чел.; из Татарской АССР — 48 чел.; из Грузинской ССР — 15 чел.; из Киевской обл. — 52 чел.; из Орловской обл. 8 чел. и др.

Заявления верующих на имя Н. С. Хрущева поступили из следующих областей, краев и республик:

1. Украинская ССР — 90, в том числе о созыве съезда ЕХБ — 90.
2. Белорусская ССР — 21, в том числе о созыве съезда ЕХБ — 2
3. Казахская ССР — 1, в том числе о созыве съезда ЕХБ — 1 <...>
11. РСФСР — 55, в том числе о созыве съезда ЕХБ — 31 <...>³⁹.

В письмах такого рода заявлялось о дискриминационности существующей нормативно-правовой базы в СССР, их авторы сообщали о репрессиях в отношении верующих и требовали пересмотра дискриминационного законодательства. Высшее руководство страны отреагировало на массовые письма с просьбой о разрешении на созыв съезда евангельских христиан в СССР, и в 1966 г. состоялся представительный съезд с выборными делегатами в Москве, на который не были допущены лидеры оппозиционных структур, выступившие инициаторами созыва съезда⁴⁰.

Безусловным лидером в создании массовых писем протестного жанра стал уже упоминавшийся «Совет родственников узников, осужденных за Слово Божие в СССР» (СРУ ЕХБ), оказавшийся самой долговечной нелегальной правозащитной организацией в СССР⁴¹. Стилистика категорических обвинений и угроз «карой Божией» высшему руководству страны была свойственна СРУ ЕХБ, состоявшему преимущественно из женщин — жен и матерей заключенных верующих. Свои

письма члены СРУ ЕХБ направляли целому ряду высших инстанций и параллельно размещали в самиздатском журнале «Бюллетень Совета родственников узников ЕХБ в СССР». Например, «Напоминание» 1973 г. было направлено генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу, Председателю Совета министров СССР А. Н. Косыгину, Председателю Президиума Верховного Совета СССР В. Н. Подгорному, Генеральному прокурору СССР Р. А. Руденко. Это обращение начиналось следующими словами:

Мы продолжаем напоминать и перечислять все страдания народа Божия, исходящие от Ваших указаний, Леонид Ильич, как результат нетерпимости к инакомыслящим.

Только солидарность с гонимой церковью ЕХБ, с осужденными родными и глубокое уважение к Вам с желанием благоденствия всему многонациональному народу СССР, заставляет нас возвышать свой голос за правду.

Мы приветствуем Вашу заботу о материальном благосостоянии народа, а осуждаем «идеологическую войну» против верующих, которая переросла в административно-физическую расправу.

Как далеко небо от земли, так далеки Ваши заверения на мировых аренах о мире, братстве, дружбе, свободе от действительности, которая вопиет сегодня в СССР⁴².

Интересно, что такая тональность обличений и права на оценку действий высшей власти была характерна для всех документов СРУ и уже в первой половине 1970-х гг. вызывала критику среди части руководителей-мужчин (служителей) внутри нелегального братства, которые специально предлагали «напоминать редакции СРУ о недопустимости резких выражений в обращениях к правительству, таких как: “требуем, заявляем, предупреждаем, вся ответственность ложится на вас, о принятых мерах сообщите нам”»⁴³. Однако стилистика категорических требований была быстро усвоена остальными членами нелегального сообщества, особенно его женской частью. Ярким примером письма, собравшего подписи с самых разных уголков страны, стало открытое письмо «матерей-христианок, проживающих на территории СССР» в мае 1977 г., под которым поставили подписи 4031 чел.⁴⁴ Обвинительные телеграммы после каждого разгона молитвенного собрания отправлялись высшему руководству страны; затем писались письма. И лексика в этих телеграммах и письмах оказывалась поразительно однотипной. Например, генеральным секретарям ЦК КПУ и ЦК КПСС в 1983 г. была направлена следующая телеграмма:

Вам тов. Брежнев, тов. Щербицкий, вверена Богом власть в республике. Вы в большой ответственности о бедственном положении народа Божьего в стране... Оттого, что вы отвергаете Бога, бытие Его не прекращается. Остановите же развернувшийся курс уничтожения христиан в стране, не отписывайтесь ничего не говорящими бумажками. Присылаемые нам местными властями эти отклики будут лишними обвинителями на вечном суде Божиим⁴⁵.

Процитированные выше письма и телеграммы важны тем, что убедительно показывают: в брежневский период в СССР формируется категория верующих, которая публично через письма объявила вызов существующей в СССР атеистической системе и ограничениям, наложенным на возможности реализации религиозных убеждений. Этому способствовало изменение международной ситуации, появление Хельсинкских групп и внимание западных СМИ к нарушению прав человека в странах за железным занавесом.

Совет по делам религий и его уполномоченные обычно отказывались от рассмотрения категоричных писем по существу, маркируя их содержание как клеветническое, очерняющее советскую действительность, а организаторы петиционных кампаний однозначно характеризовались в аналитических записках как антисоветчики. Регулярное написание таких писем могло служить основанием для привлечения авторов к уголовной ответственности. Тем не менее подобные письма появлялись стабильно на протяжении всего брежневского периода, подписывались большим количеством верующих. Естественно, протестная активность членов Союза церквей ЕХБ, особенно СРУ, вызывала серьезное раздражение у власти; однако СРУ пережил брежневский период, и последняя попытка советских инстанций ликвидировать эту организацию относится к 1985 г.⁴⁶

Авторы протестных писем тонко чувствовали, каким образом можно использовать «третью силу» в диалоге с властью. В ходе холодной войны и появления на международной арене интереса к религиозному фактору система коммуникации между советскими верующими и руководством страны приобретала более сложную конфигурацию⁴⁷. К концу 1970-х гг. вопрос положения верующих в СССР постепенно становится одним из стабильно поднимающихся сюжетов во взаимоотношениях с «западной общественностью». Сообщения о преследованиях верующих постоянно попадали на Запад. Например, редакция радио «Свобода» в Мюнхене, начав публикацию собранного в архиве радио самиздата, несколько томов посвятило изданию писем по религиозным сюжетам, в которых преимущественный объем занимали тексты, созданные членами незарегистрированного братства ЕХБ. В свою очередь, западными религиозными активистами и правозащитниками была выработана форма массовых запросов в адрес советского руководства о судьбах преследуемых верующих в СССР, сведения о которых проникали через железный занавес. СДР накапливал ежегодно несколько томов запросов из западного мира (пересылаемых по принадлежности советским МИДом) о судьбах отдельных верующих⁴⁸. Правда, на уровне официальной дипломатии разговор о правах верующих в СССР начинается только в горбачевский период. Можно предположить, что массовые протестные письма верующих из СССР, отправляемые в международные инстанции, были одним из факторов, стимулировавших позднее пересмотр религиозной политики в СССР.

* * *

Итак, верующие, используя привычный и легитимный канал коммуникаций с властью, наполняли его новым, протестным содержанием. В случае с письмами верующих уже нельзя говорить о патерналистском характере отношений между простым человеком и облеченной властью фигурой. Одобренная властью форма

коммуникации, призванная демонстрировать эмпатию по отношению к системе, приватизируется обычными людьми и наполняется новым смыслом. Принятие новой Конституции и разворачивание пропагандистской кампании в связи с подписанием Хельсинкских соглашений привело к тому, что предназначенные на экспорт концепты начинают осваиваться внутри страны. В значительной степени советское руководство само загнало себя в ловушку пропагандируемой гуманности.

Тексты проанализированных писем, как и практика их создания, — устоявшаяся в культуре форма, объединившая и традиционные для русской культуры формы «прошения», так и новый дискурс советской гражданственности. Проведенный анализ показал, что география и конфессиональная принадлежность авторов могли не влиять на форму, лексику и содержание письма: верующие использовали устоявшиеся в советском лексиконе обороты и клише. Авторы многих писем говорят о своих гражданских правах, закрепленных в Конституции и законодательных актах; совершенно очевидно, что в религиозной среде конструкт о личных и гражданских правах был использован для требования условий реализации своих религиозных убеждений. Как и в случае с советскими праздниками, происходит приватизация жанра, в письмах выражается личное отношение к государственным мероприятиям.

Используя привычные формы демонстрации поддержки режима, авторы писем разворачивают ситуацию, представляя себя лояльными советскими гражданами, стремящимися к соблюдению законности, а местные власти — не просто как превышающие свои полномочия, но и как не выполняющие законов или даже декларативно отказывающиеся подчиняться союзному/партийному центру. Дискурс недоверия к власти ярко проявляется в анализируемых письмах. Он выражается в подробном описании действий местных властей, подрывающих лояльность граждан к советской системе. Одновременно мы видим уникальный опыт осваивания советских идеологических клише и поворота их в пользу верующих, что четко видно в требовании создать условия «заслуженным» советским гражданам.

* Статья выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00135-П «Индивид, этнос, религия в процессе межкультурного взаимодействия: российский и мировой опыт формирования общегражданской идентичности».

¹ См., напр.: *Журавлев С. В. и др.* Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1997; *Сандомирская И., Козлова Н.* «Наивное письмо» и «наивная» Родина // Сандомирская И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001. С. 115–143; *Клинова М. А.* Письма и жалобы в органы власти как источник изучения советской повседневности // Вестник архивиста. 2012. № 4. С. 300–305; *Нехамкин В. А.* Донос как социально психологический феномен (из отечественного опыта 1930-х годов) // Историческая психология и социология истории. 2014. № 2. С. 63–69; *Кимерлинг А. С.* Письма во власть в позднюю сталинскую эпоху: интимное и политика // История в эго-документах: исследования и источники / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2014. С. 325–338; *Савин А. И.* Письма во власть как специфическая форма политической адаптации советских граждан в 1930-е годы // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2016. Т. 15, № 8. История. С. 133–145.

² См. об этом: *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм: социальная история советской России в 30-е годы: город. М., 2008.

³ См. об этом: *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / предисл. А. Беляева; пер. с англ. М., 2014; *Зубок В. М.* Неудавшаяся империя: Со-

ветский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева / авториз. пер. с англ. М. Мусиной. М., 2011.

⁴ См. об этом подробнее: *Merl S. Politische Kommunikation in der Diktatur: Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich*. Wallstein Verlag, 2012.

⁵ См. об этом: *Тихомиров А.* «Режим принудительного доверия» в Советской России, 1917–1941 годы // *Неприкосновенный запас*. 2013. Т. 92, № 6. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/92_nz_6_2013/article/10731/?sphrase_id=2104 (дата обращения: 17.07.2018).

⁶ Письмо пятидесятницы из Риги высшему руководству страны о необходимости нормализовать отношения с верующими // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3126. Л. 24 (опубликовано в: *Белякова Н. А., Добсон М.* Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР. 1940–1980-е гг.: исследование и источники. М., 2015. С. 159. — Здесь и далее при цитировании писем верующих знаки препинания расставлены автором статьи).

⁷ Внимание к «письмам трудящихся» было важной частью патерналистского дискурса государства. Была разработана процедура работы с письмами и жалобами граждан, регламентировавшая ряд нормативно-правовых актов. В 1968 г. был принят новый закон о порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан, в который были внесены изменения в 1980 г. (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 г. № 2534-VII «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан» // *Ведомости Верховного Совета СССР*. 1968. № 17. Ст. 144; Закон СССР от 26 июня 1968 г. № 2830-VII «Об утверждении Указа Президиума Верховного Совета СССР “О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан”» // *Ведомости Верховного Совета СССР*. 1968. № 27. Ст. 237).

⁸ Письма верующих, отложившиеся в архивах уполномоченных Совета по делам религий, достаточно сильно отличаются по содержанию от писем, направленных в высшие инстанции страны. В региональных архивах преобладают письма о конфликтах внутри религиозного сообщества, в частности между исполнительными органами, старостами и духовенством. Эта категория писем требует отдельного исследования и будет рассмотрена автором в другой статье.

⁹ *Савин А. И.* Письма во власть... С. 136.

¹⁰ Там же. С. 134–136.

¹¹ См. о попытках пересмотра религиозной политики в начале брежневского периода: *Савин А. И.* «Многие даже не допускают мысли, что сектант может быть честным человеком». «Брежневский» поворот в антирелигиозной политике и российский протестантизм (1964–1966 гг.) // *Вестник Тверского государственного университета. Сер. История*. 2016. № 4. С. 59–75.

¹² Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 556. Оп. 15. Д. 120. Л. 69–113.

¹³ Государственный архив РФ (далее — ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 6. Д. 73. Л. 169–171.

¹⁴ Там же. Д. 1548. Л. 41.

¹⁵ Там же. Д. 2036. Л. 33.

¹⁶ *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм... С. 17.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 2952. Л. 128.

¹⁸ Там же. Д. 1891. Л. 15.

¹⁹ Там же. Д. 954. Л. 57.

²⁰ Там же. Д. 93. Л. 24.

²¹ Там же. Д. 2036. Л. 87–88.

²² Так, в сообщении заместителю заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС от 2 февраля 1981 г. по поводу многочисленных писем об открытии православной церкви в с. Большой Хомутец Добровского района Липецкой области содержалась следующая характеристика автора многих писем: «Проверкой, проведенной на месте работником Совета, установлено, что многочисленные заявления об открытии церкви, составленные от имени верующих, писались или были инспирированы гр. Клейменовой А. Т., которая страдает психическим заболеванием и в связи с этой болезнью является инвалидом 2 группы. Беседы с другими лицами, чьи фамилии значатся в числе ходатаев за открытие церкви, показали, что никаких подписей они под жалобами не ставили и никого об этом не просили» (Там же. Д. 1998. Л. 1).

- ²³ *Кларк К.* Советский роман. История как ритуал. Екатеринбург, 2002. С. 36–38.
- ²⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 1548. Л. 41–42.
- ²⁵ Там же. Д. 2989. Л. 65.
- ²⁶ Там же. Д. 3496. Л. 25.
- ²⁷ Там же. Д. 3498. Л. 20.
- ²⁸ Там же. Д. 2989. Л. 64.
- ²⁹ Там же. Д. 1548. Л. 42.
- ³⁰ Речь шла о Постановлениях ЦК КПСС от 26 апреля 1976 г. «О дальнейшем совершенствовании и улучшении работы с письмами, заявлениями, жалобами» и от 5 марта 1979 г. «Об улучшении приема граждан в партийных советских и других организациях».
- ³¹ См. об этом, напр.: *Козлов В. А.* Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг. М., 2006.
- ³² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 928. Л. 108–110.
- ³³ Там же. Д. 954. Л. 56.
- ³⁴ *Хвостова Г. И.* Конституция 1977 г. — обманутые надежды // Платоновские чтения: мат-лы XII Всеросс. конф. молодых историков, Самара, 10–11 ноября 2006 г. Самара, 2006. С. 144–146.
- ³⁵ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 1891. Л. 52.
- ³⁶ Центральный архив города Москвы. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 74. Л. 121–126.
- ³⁷ См. о деятельности Совета родственников узников ЕХБ: *Белякова Н. А., Добсон М.* Женщины в евангельских общинах... С. 350–357.
- ³⁸ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 1423. Л. 135.
- ³⁹ Там же. Д. 1423. Л. 135, 137.
- ⁴⁰ В архивах региональных уполномоченных отложились материалы, характеризующие проведение выборов и согласование кандидатов на разных уровнях. Это было первое после войны столь представительное собрание евангельских христиан-баптистов. См. об этом: *Синичкин А. В.* Анализ диалога ВСЕХБ и СЦ ЕХБ с 1961 по 1972 год // Альманах «Путь Богопознания»: богословско-публицистический журнал МБС ЕХБ. Вып. 10. М., 2004. С. 40–80; Вып. 11. М., 2005. С. 82–127; Вып. 12. М., 2006. С. 87–127.
- ⁴¹ См. о характере женского религиозного протеста: *Beliakova N., Dobson M.* Protestant women in the late Soviet era: gender, authority, and dissent // Canadian Slavonic Papers / Revue canadienne des slavistes. 2016. Vol. 58, no. 2. June. P. 117–140.
- ⁴² Бюллетень совета родственников узников евангельских христиан баптистов в СССР. М., 1974. С. 2 (личный архив автора).
- ⁴³ *Шаптала М.* Как это было. История возникновения независимого движения ЕХБ. Черкассы, 2011. С. 105.
- ⁴⁴ См. публикацию письма: *Белякова Н., Добсон М.* Женщины в евангельских общинах... С. 328–335.
- ⁴⁵ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 1998. Л. 171–172
- ⁴⁶ См. об этом: *Белякова Н., Добсон М.* Женщины в евангельских общинах... С. 349–357.
- ⁴⁷ См. об этом: *Белякова Н. А.* Церкви в холодной войне // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 7.
- ⁴⁸ В фонде Совета по делам религий (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6) в 1970–1980-е гг. сформированы за каждый год единицы хранения, содержащие обзоры, информации, справки и письма по вопросам деятельности религиозных организаций в СССР и за рубежом, поступившие через МИД СССР.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Белякова Н. А. «Сообщаем о преступлении против правосудия...»: обращения и жалобы верующих в брежневском СССР // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 3. С. 640–658. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.307>
УДК 82-6:[930.2+2-9]

Аннотация: В статье рассмотрена одна из форм практик коммуникации населения с властью в 1960–1970-е гг. в СССР: обращения, жалобы и письма верующих в государственные инстанции. Тексты проанализированных писем и практика их создания — устоявшаяся в культуре форма, объединившая как традиционные для русской культуры формы «прошения», так и новый дискурс советской гражданственности. Проведенный анализ показал, что география и конфессиональная принадлежность авторов могли не влиять на форму, лексику и содержание письма: верующие применяли устоявшиеся в советском лексиконе обороты и клише. Используя формально легитимированный советской системой канал коммуникации, верующие наполняют его неожиданным, протестным содержанием. Жалобы в государственные инстанции, письма, в которых верующие, не скрывая своих религиозных убеждений, сообщали о своих нуждах и потребностях, становятся массовой практикой с хрущевского периода. Многие обращения отражают формирование советской гражданственности: конструкт о личных и гражданских правах используется для требования расширения реализации религиозных убеждений. Соблюдая привычные формы демонстрации поддержки режима, авторы писем называют себя лояльными советскими гражданами, действующими в рамках советских законов, а местные власти — нарушителями этих законов. Более того, согласно письмам, борьба с религией подрывает доверие и даже дискредитирует советскую власть. Подписание Советским Союзом Хельсинкских соглашений в 1975 г., нацеленное на «западную аудиторию», спровоцировало неожиданную реакцию внутри страны: верующие активно включились в петиционные кампании по защите своих прав. А статья в газете «Известия» за 1976 г. «Советский закон и свобода совести» была воспринята верующими как сигнал об изменении религиозной политики внутри страны.

Ключевые слова: религия в СССР, обращения и жалобы верующих, религиозные практики, религия и протест в СССР, коммуникативные практики, советские идеологические кампании, маргиналы.

Сведения об авторе: Белякова Н.А. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; доцент, Первый московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова (Сеченовский университет) (Москва, Россия); beliacovana@gmail.com

FOR CITATION

Beliakova N.A. “‘We Report about the Crimes against Justice...’: Believer’s Appeals and Complaints in the Brezhnev USSR’, *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 3, 2018, pp. 640–658. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.307>

Abstract: In the article are analyzed the appeals, complaints, and letters of believers in the Soviet Union as one of the long-standing cultural forms of communication with the authorities. The religious people, using the legitimated by the soviet authoritarian system channel of communication, fill it with opposition/protest content. The writing of appeals and complaints, which contained the information on the needs and requirements of believers, who did not hide their religious affiliation, becomes mass since the Khrushchev era. A number of letters reflect the soviet civic formation, for example, the recognition of individual and civil rights is used to demand freedom of conscience. The article shows, how a form of communication approved by the government and designed for demonstrating sympathy towards the regime was privatized by common people and filled with a new meaning. Religious people strove to show that their actions were in accordance with the current law, and local authorities are represented as law-breakers. Furthermore, their action against believers / religion undermine the confidence and even discredit the Soviet power. The propaganda of the Helsinki agreements and the new Constitution led to appropriating the “export” (for the bourgeois society) ideas/concepts inside the soviet society. Apprehended the article “The Soviet Law and the Freedom of Conscience” in the newsletter “Izvestija” (1976) as a sign about the change / the turn of religious policy inside the country, the believers’ petition campaign for their rights protection significantly increased.

Keywords: religion in the USSR, the appeals and complaints, the everyday religion, religion and protest, religious dissent, soviet ideological campaigns, communications, outsiders.

Beliakova N.A. — Doctor in History, Senior Scientific Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Assistant Professor at the Sechenov University (Moscow, Russia); beliacovana@gmail.com

References:

- Beliakova N., Dobson M., 'Protestant women in the late Soviet era: gender, authority, and dissent', *Canadian Slavonic Papers / Revue canadienne des slavistes*, Vol. 58, iss. 2, 2016.
- Beliakova N. A. 'Tserkvi v kholodnoi voine', *Gosudarstvo, religii, tserkov v Rossii i za rubezhom*, Iss. 1, 2017.
- Beljakova N., Dobson M. *Zhenshini v evangelskikh obshinakh poslevoennogo SSSR. 1940–1980-e godi. Issledovanie i istochniki* (Moscow, 2015).
- Fitzpatrick Sh. *Povsednevnyj stalinizm. Sotsialnaya istoria sovetskoy Rossii v 30-e godi* (Moscow, 2008).
- Jurchak A. *Eto bilo navsegda, poka ne konchilos. Poslednee sovetskoe pokolenie* (Moscow, 2014).
- Khvostova G. 'Konstitutsiia 1977 g. — obmanuty nadezhdy', *Platonovskie chteniia: mat-ly XII Vseross. konf. molodykh istorikov* (Samara, 2006).
- Kimerling A. 'Pis'ma vo vlast v pozdniuiu stalinskuiu epokhu: intimnoe i politika', *Istoriia v ego-dokumentakh: issledovaniia i istochniki* (Ekaterinburg, 2014).
- Klark K. *Sovetskij roman. Istoriia kak ritual* (Ekaterinburg, 2002).
- Klinova M. 'Pisma i zhaloby v organy vlasti kak istochnik izucheniia sovetskoi povsednevnosti', *Vestnik arkhivista*, Iss. 4, 2012.
- Kozlov V. *Neizvestnyi SSSR. Protivostoianie naroda i vlasti 1953–1985 godi* (Moscow, 2006).
- Merl S. *Politische Kommunikation in der Diktatur: Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich* (Wallstein, 2012).
- Nekhamkin V. 'Donos kak sotsial'no psikhologicheskii fenomen (iz otechestvennogo opyta 1930-kh godov)', *Istoriicheskaia psikhologiiia i sotsiologiiia istorii*, Iss. 2, 2014.
- Sandomirskaia I., Kozlova N. "'Naivnoe pismo" i "naivnaia" Rodina', *Kniga o Rodine. Opyt analiza diskursivnykh praktik*, Ed. I. Sandomirskaia (Wien, 2001).
- Savin A. 'Mnogie dazhe ne dopuskaiut mysli, chto sektant mozhet byt' chestnym chelovekom'. "Brezhnevskii" povорот v antireligioznoi politike i rossiiskii protestantizm (1964–1966 gg.)', *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*, Ser. "Istoriia", Iss. 4, 2016.
- Savin A. I. 'Pis'ma vo vlast' kak specificheskaja forma politicheskoi adaptacii sovetskikh grazhdan v 1930-e gody', *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. "Istoriia, filologija", Vol. 15, Iss. 8, 2016.
- Shaptala M. *Kak eto bylo. Istoriia vozniknoveniia nezavisimogo dvizheniia EKhB* (Cherkassy, 2011).
- Sinichkin A. 'Analiz dialoga VSEKhB i STs EKhB s 1961 po 1972', *Almanakh Put Bogopoznaniia. Bogoslovsko-publitsisticheskii zhurnal MBS EKhB*, Iss. 10, 2004.
- Sinichkin A. 'Analiz dialoga VSEKhB i STs EKhB s 1961 po 1972', *Almanakh Put Bogopoznaniia. Bogoslovsko-publitsisticheskii zhurnal MBS EKhB*, Iss. 11, 2005.
- Sinichkin A. 'Analiz dialoga VSEKhB i STs EKhB s 1961 po 1972', *Almanakh Put Bogopoznaniia. Bogoslovsko-publitsisticheskii zhurnal MBS EKhB*, Iss. 12, 2006.
- Tikhomirov A. "'Regim prinuditelnogo doveriia" v Sovetskoy Rossii, 1917–1941 godi', *Neprikosnovennyj zapas*, Vol. 92, iss. 6, 2013.
- Zhuravlev S. *Golos naroda: Pisma i otkliki riadovykh sovetskikh grazhdan o sobytiakh 1918–1932 gody* (Moscow, 1997).
- Zubok V. *Neudavshajasja imperija: Sovetskij Sojuz v holodnoj voine ot Stalina do Gorbachjeva* (Moscow, 2011).